

УДК 316.74:2
DOI 10.5281/zenodo.18399925

Горбенко А. В.

Горбенко Антон Витальевич, клинический психолог, независимый исследователь. E-mail: drantonch@yandex.ru.

Трансформация восприятия феномена сектантства в российском общественном сознании (1991–2025 гг.)

Аннотация. В статье анализируется трансформация отношения российского общества к феномену сектантства в период с 1991 по 2025 год. На основе данных лонгитюдных социологических опросов (ВЦИОМ, ФОМ) выделяются три этапа эволюции восприятия: от некритичного интереса к «духовному рынку» в 1990-е годы до политизации угроз и законодательного запрета иностранных религиозных организаций в 2017–2025 годах. Автор обосновывает гипотезу о «расщеплении угрозы»: в современном общественном сознании понятие «секта» разделилось на «политического врага» (запрещенные НРД) и социально приемлемый «коммерческий мистицизм». Исследование показывает, что успешная борьба государства с институциональным сектантством парадоксальным образом совпала с ростом популярности деструктивных психокультов и эзотерических практик, мимикрирующих под образовательные услуги и коучинг.

Ключевые слова: социология религии, новые религиозные движения, сектантство, духовная безопасность, секуризация религии, общественное мнение, религиозная идентичность, психокульты, инфобизнес, эзотерика.

Gorbenko A. V.

Gorbenko Anton Vitalievich, clinical psychologist, independent researcher. E-mail: drantonch@yandex.ru.

Transformation of the perception of the phenomenon of sectarianism in Russian public consciousness (1991–2025)

Abstract. This article analyzes the transformation of Russian society's attitude toward the phenomenon of sectarianism between 1991 and 2025. Based on data from longitudinal sociological surveys (VTsIOM, FOM), three stages of evolution in perception are identified: from uncritical interest in the “spiritual market” in the 1990s to the politicization of threats and the legislative ban on foreign religious organizations in 2017–2025. The author substantiates the hypothesis of “threat splitting”: in contemporary public consciousness, the concept of ‘sect’ has been divided into “political enemy” (banned NRMs) and socially acceptable “commercial mysticism.” The study shows that the state's successful fight against institutional sectarianism has paradoxically coincided with the rise in popularity of destructive psychocults and esoteric practices that mimic educational services and coaching.

Key words: sociology of religion, new religious movements, sectarianism, spiritual security, securitization of religion, public opinion, religious identity, psychocults, infobusiness, esotericism.

Актуальность исследования. Трансформация религиозного ландшафта современной России представляет собой уникальный кейс социокультурной динамики. За последние три десятилетия (1991–2025 гг.) российское общество прошло путь от некритичного восприятия любого религиозного опыта в начале 1990-х до формирования жесткого государственного и общественного иммунитета по отношению к организованным религиозным меньшинствам в 2020-х. Актуальность темы обусловлена парадоксом, фиксируемым социологическими службами в 2024–2025 годах: на фоне консолидации общества вокруг традиционных конфессий и ужесточения законодательства в отношении иностранных религиозных организаций (часто маркируемых как «секты»), наблюдается всплеск интереса к неинституциональным формам мистицизма — так называемому «инфобизнесу» с оккультным уклоном, неязычеству и коммерческой эзотерике.

Понимание того, как и почему изменился «образ врага» в религиозной сфере, необходимо для корректировки государственной конфессиональной политики. Если в 1990-е годы «секта» воспринималась как угроза личности, а в 2010-е — как угроза национальной безопасности, то к 2025 году мы сталкиваемся с новым феноменом: деструктивные практики мимикрируют под образовательные и коучинговые услуги, выпадая из привычных классификаций «сектантства», но сохраняя при этом высокую социальную опасность.

Обзор научной литературы.

Проблематика отношения к новым религиозным движениям (НРД) и «сектам» широко представлена в отечественной социологии религии.

В работах Ю.Ю. Синелиной детально проанализирован период «религиозного бума» 1990-х годов. Исследователь отмечает, что на раннем этапе постсоветского транзита религиозная идентичность носила размытый характер: православие ча-

сто сочеталось с верой в астрологию и переселение душ, а понятие «секта» еще не имело четкой негативной политической коннотации [13].

Л.С. Астахова в своих трудах 2010-х годов вводит понятие «религиозная безопасность», анализируя переход дискурса от свободы совести к защите культурного суверенитета. Автор подчеркивает, что кризис конфессиональной идентичности способствовал росту ксенофобии по отношению к инославным группам, которые стали восприниматься как агенты чуждого влияния [1, с. 127].

Исследования В.Ю. Гадаева и Д.Ю. Саковича (2014–2025) фокусируются на связи между религиозной и гражданской идентичностью. Ученые фиксируют, что к 2020-м годам принадлежность к «традиционным религиям» стала маркером лояльности государству, тогда как принадлежность к НРД — маркером маргинальности. Д. Ю. Сакович в работе 2025 года указывает на новый тренд: замещение институциональной религиозности индивидуальным «брюколажем» верований, где магические практики не конфликтуют с номинальным православием [12, с. 51].

Религиоведческий термин «секта» был трансформирован в инструмент социальной эксклюзии. Отношение к новым религиозным движениям (НРД) в России прошло эволюцию от «бытовой ксенофобии» 90-х к системной государственной политике, где ярлык «сектант» стал маркером неблагонадежности, лишающим группу права на судебную защиту [14, с. 59].

В работе М.М. Мчедловой обосновывается тезис о том, что в современной России конфессиональная принадлежность трансформировалась в гражданско-политическую. «Традиционная религия» рассматривается не как вопрос веры, а как основа суверенитета и национальной безопасности, что автоматически переводит любые нетрадиционные религиозные группы (особенно с зарубежными цен-

трами) в разряд угроз цивилизационному коду нации [7, с. 334].

Исследование доказывает, что ключевым признаком «секты» является не догматика, а использование специфических психотехник (контроль сознания, бомбардировка любовью). Это исследование за-кладывает базу для понимания того, почему современные «марафоны желаний» и бизнес-тренинги являются прямой мутацией сект 90-х, использующих те же механизмы психологического насилия под новой вывеской [2, с. 102].

Исследование медийного поля Шангина показывает, как российские СМИ, начиная с конца 90-х, использовали советские пропагандистские клише для описания НРД. «Сектант» в медиа — это всегда агент влияния, шпион или разрушитель семьи. Работа объясняет, почему массовое сознание оказалось подготовлено к жестким запретительным мерам 2017–2025 годов без сопротивления [15, с. 453].

Григорьева одной из первых проследила эволюцию движения New Age в России. Её работа помогает понять, как эзотерические группы 90-х под давлением государства мимикрировали под экологические движения, центры народной медицины и школы психологии, что позволило им выжить и расцвести в 2020-е годы в форме «светского мистицизма» [6].

Однако в литературе недостаточно освещен новейший период (2020–2025), когда на фоне geopolитического разрыва с Западом произошла не столько победа над «сектами», сколько трансформация самого явления в коммерческие формы («марафоны желаний», психокульты), которые пока слабо изучены социологией как преемники классических НРД.

Постановка проблемы исследования.

Ключевой проблемой является несоответствие между устоявшимся в общественном сознании и законодательстве образом «секты» (как жестко структурированной организации, часто с иностранным финансированием) и реальной прак-

тикой потребления «духовных услуг» населением в 2025 году.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: почему последовательное вытеснение организованных иностранных религиозных движений из публичного поля России (2017–2025 гг.) не привело к тотальному доминированию традиционных конфессий, а спровоцировало рост популярности коммерческих квазирелигиозных практик?

Выдвигается гипотеза о «расщеплении угрозы»: в сознании современного россиянина понятие «секта» разделилось на две неравнозначные категории. Первая — «политическая секта» (иностранные НРД), воспринимаемая как реальная угроза государству и отвергаемая обществом. Вторая — «коммерческий мистицизм» (психокульты, эзотерика), воспринимаемая как рыночная услуга, безопасная для идентичности, несмотря на схожие методы психологического воздействия.

Методология исследования.

Исследование базируется на вторичном анализе данных репрезентативных всероссийских опросов ведущих социологических центров (ВЦИОМ, ФОМ) за период с 1991 по 2025 год. Методологический подход — лонгитюдный сравнительный анализ, позволяющий отследить динамику общественного мнения на трех хронологических отрезках:

1. 1991–1999 гг.: Период открытого рынка и формирования первичных фобий.
2. 2000–2016 гг.: Период консолидации вокруг РПЦ и стигматизации НРД.
3. 2017–2025 гг.: Период «секуритизации» (восприятия через призму безопасности) и цифровизации эзотерики.

В качестве эмпирической базы использованы:

- Данные мониторингов ВЦИОМ «Религия в России», «Доверие институтам», опросы об отношении к паранормальному и их освещение в СМИ.
- Архивные данные ФОМ о религиозности населения в 1990-е годы.

– Статистические отчеты и экспертные оценки социальных психологов (2024–2025 гг.).

Результаты исследования.

Этап 1: От любопытства к страху (1990-е).

В начале 1990-х годов российское общество демонстрировало высокую толерантность к новым религиозным учениям. По данным опросов начала десятилетия, до 20 % населения проявляли интерес к нетрадиционным духовным практикам, воспринимая их как часть открывшегося западного мира. Иностранные миссионеры часто ассоциировались с гуманитарной помощью.

Однако теракты и скандалы середины 90-х (прежде всего, деятельность «Аум Синрикё» и «Белого Братства») кардинально изменили тренд [11, с. 80]. Уже к 1996–1997 годам социология фиксирует запрос на ограничительные меры. При этом «секта» воспринималась тогда преимущественно как угроза *психическому здоровью* индивида и его имуществу, но не как политический враг. Религиозная идентичность оставалась размытой: в 1996 году, по данным ФОМ, среди назвавших себя православными около 30% заявляли, что не верят в Бога, но верят в «высшие силы» или астрологию [16].

Этап 2: Консолидация и поиск врага (2000–2016).

В этот период происходит резкий рост идентификации с православием (до 70–75 % к 2010 году), которое становится маркером культурной нормы. Одновременно растет негатив к религиозным меньшинствам [9].

Понятие «секта» начинает дрейфовать от медицинской к социальной проблематике. Секта — это то, что разрушает семью и традиции. Государство отвечает на этот запрос ужесточением контроля, что находит поддержку у населения. Общество делегирует государству право определять, какая вера «правильная».

Этап 3: Новая реальность и коммерциализация культа (2017–2025).

Рубежным событием стал запрет «Свидетелей Иеговы» (признана экстремистской и запрещена на территории РФ), который поддержали почти 80 % граждан [3]. С началом СВО и разрывом отношений с Западом, классические НРД (неопятидесятники, мормоны и др.) окончательно получили в общественном сознании статус «иностранный агентуры». Борьба с ними стала восприниматься как защита суверенитета.

Однако данные 2024–2025 годов показывают неожиданную динамику.

1. Снижение воцерковленности при сохранении идентичности. Несмотря на высокую долю считающих себя православными (около 66–68 %), доля реально воцерковленных (соблюдающих посты, регулярно посещающих службы) остается на уровне 3–7 % [4].

2. Взрывной рост «светской эзотерики». В 2024–2025 годах наблюдается бум интереса к тарологам, нумерологам и марафонам личностного роста с элементами мистицизма. По данным ВЦИОМ (2022), интерес к «марафонам желаний» проявляли 17 % россиян, что сопоставимо с уровнем интереса к целителям в начале 90-х. При этом расходы россиян на эзотерические услуги в 2024 году исчисляются триллионами рублей [5].

3. Избирательный запретительный пафос. В опросе ВЦИОМ от декабря 2024 года 55 % россиян поддержали запрет рекламы услуг тарологов, но не полный запрет самой деятельности. Это говорит о том, что люди видят в этом скорее «нечестный бизнес», чем экзистенциальную угрозу душе или государству [10].

4. Масштаб вовлечения. По оценкам социальных психологов (август 2025), в различных формах современных психокультов и тренингов личностного роста, имеющих признаки деструктивного воздействия, может состоять до 1,5 млн россиян [8]. Эти группы не регистрируются как религиозные организации, работают как ИП или ООО, и потому выпадают из-под действия антисектантского законодательства.

Обсуждение результатов исследования и выводы.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу о расщеплении понятия «секта». За 35 лет в России произошла фундаментальная подмена объекта опасений.

В 2025 году «классическая секта» (религиозная община с жесткой иерархией, молитвенными собраниями и четкой доктриной) воспринимается обществом как реликт прошлого или прямая вражеская диверсия. Государство успешно решило задачу нейтрализации подобных структур, обладая полной поддержкой населения.

Однако освободившееся поле не было полностью занято традиционными конфессиями. Возврата к глубокой религиозности, предполагающей аскезу и дисциплину, не произошло. Вместо этого сформировался запрос на «быструю духовность» — коммерческий продукт, обещающий мгновенный результат (деньги, здоровье, успех) через магические манипуляции, упакованные в современную терминологию (квантовая психология, коучинг, энергия рода).

Выводы:

1. Политизация термина. Понятие «секта» перестало быть религиоведческим и стало политико-правовым инструментом маркировки «чужих». Это позволило эффективно бороться с иностранным влиянием, но оставило общество безоружным перед внутренними, автохтонными формами деструктивных культов.

2. Экономическая мимикрия. Современные деструктивные образования отказались от религиозного статуса. Они существуют в правовом поле образовательных услуг и консалтинга. Население не считывает их как «секты»,

поскольку там нет явного религиозного поклонения, а есть рыночная сделка: «деньги в обмен на чудо».

3. Кризис критического мышления. Популярность новых форм оккультизма свидетельствует о том, что высокий уровень недоверия к «официальным» сектам не конвертировался в рациональное мышление. Магическое сознание лишь сменило форму, адаптировавшись к цифровой экономике и культуре потребления.

Ответ на основной исследовательский вопрос о механизмах трансформации религиозных угроз заключается в следующем. Сформировавшийся к 2010-м годам «образ врага» — иностранной религиозной организации, посягающей на культурный суверенитет, — перестал соответствовать реальности 2025 года.

Государственная политика секьюризации религии (2017–2025) успешно нейтрализовала этот «политический» образ врага, вытеснив многие институциональные секты из легального поля. Однако это административное давление запустило механизм адаптации: на смену морганизированным религиозным общим пришли коммерческие структуры.

Деструктивные практики отказались от религиозной атрибутики (ставшей маркером опасности) и перешли в легальное поле образовательных услуг и коучинга. Таким образом, борьба с формой (религиозная организация) без работы с содержанием (критическое мышление) привела лишь к смене вывески: место духовного авторитета занял эксперт по личностному росту, а религиозные пожертвования сменились оплатой коммерческих информационно-консультационных услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова Л. С., Александрова Н. Н. Религиозные риски и проблемы духовной безопасности в контексте кризиса конфессиональной идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2010. №. 3. С. 127–129.
2. Бенин В. Л., Уразметов Т. З. Теория и практика деятельности эксперта-религиоведа // Образование и наука. 2015. №. 6 (125). С. 101–115.

3. Большинство россиян поддержали запрет «Свидетелей Иеговы» // РБК: [www.rbc.ru](http://www.rbc.ru/politics/13/07/2017/596650c09a79477e58e67e98). URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/07/2017/596650c09a79477e58e67e98> (дата обращения: 11.12.2025).
4. ВЦИОМ: более 80 % россиян считают себя верующими // Российское агентство правовой и судебной информации – РАПСИ: rapsinews.ru. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250724/311048310.html (дата обращения: 11.12.2025).
5. ВЦИОМ: интерес россиян к "марафонам желаний" сравним с вниманием к сеансам Кашпировского // ТАСС: tass.ru. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13685163> (дата обращения: 11.12.2025).
6. Григорьева Л. и др. Религии «нового века» в современной России (Социально-философский анализ): дис. Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 395 с.
7. Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность. В: Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание. М.: Издательство «Весь Мир». 2017. С. 334–339.
8. Названо число состоящих в сектах россиян // Lenta.ru: lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/18/chislo/> (дата обращения: 11.12.2025).
9. Новости: Верим ли мы в Бога? // ВЦИОМ: wciom.ru. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analyticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga> (дата обращения: 11.12.2025).
10. Новости: Погадаем? Россияне о картах Таро // ВЦИОМ: wciom.ru. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analyticheskii-obzor/pogadaem-rossijane-o-kartakh-taro> (дата обращения: 11.12.2025).
11. Садовой А. Н., Овчинников В. А. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга // СибСкрипт. 2021. Т. 23. №. 1 (85). С. 80–94. DOI 10.21603/2078-897S-2021-23-1-80-94.
12. Сакович Д. Ю., Французов Р. И. Трансформация российского общества и религиозная идентичность: современный период // Научный альманах стран Причерноморья. 2025. Т. 11. №. 2. С. 51–56.
13. Синелина Ю.Ю. Динамика религиозности россиян (1989-2012) // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы Третьей Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. Белгород : ИД «Белгород», 2013. С. 324–343.
14. Филина Н. В. Новые религиозные движения в России и их влияние на социальные акторы // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. №. 1. С. 59–66.
15. Шангин Н. В., Масловский М. В. Новые религиозные движения современной России в телевизионных СМИ // Современные проблемы науки и образования. 2013. №. 2. С. 453–461. URL: https://cerkovmedia.ru/wp-content/uploads/2021/11/shangin-n.v.-maslovskij-m.-2013-izdatelskij-dom-_akademiya-estestvoznaniya_.pdf (дата обращения: 11.12.2025).
16. 30% православных считают, что Бога нет // Такие дела. URL: <https://takiedela.ru/2017/04/takaya-rossiya-cerkov/> (дата обращения: 11.12.2025).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Astahova L. S., Aleksandrova N. N. Religioznye riski i problemy duhovnoj bezopasnosti v kontekste krizisa konfessional'noj identichnosti // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. 2010. №. 3. S. 127–129.
2. Benin V. L., Urazmetov T. Z. Teorija i praktika dejatel'nosti jeksperta-religioveda // Obrazovanie i nauka. 2015. №. 6 (125). S. 101–115.
3. Bol'shinstvo rossijan podderzhali zapret «Svidetelej Iegovy» // RBK: www.rbc.ru. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/07/2017/596650c09a79477e58e67e98> (data obrashhenija: 11.12.2025).
4. VCIOM: bolee 80 % rossijan schitajut sebja verujushhimi // Rossijskoe agentstvo pravovoj i sudebnoj informacii – RAPSI: rapsinews.ru. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250724/311048310.html (data obrashhenija: 11.12.2025).
5. VCIOM: interes rossijan k "marafonam zhelanij" sravnim s vnimaniem k seansam Kashpirovskogo // TASS: tass.ru. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13685163> (data obrashhenija: 11.12.2025).

6. Grigor'eva L. i dr. Religii «novogo veka» v sovremennoj Rossii (Social'no-filosofskij analiz): dis. Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2000. 395 c.
7. Mchedlova M. M. Religioznaja i konfessional'naja identichnost'. V: Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika: Jenciklopedicheskoe izdanie. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 2017. S. 334–339.
8. Nazvano chislo sostojashhih v sektah rossijan // Lenta.ru: lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/18/chislo/> (data obrashhenija: 11.12.2025).
9. Novosti: Verim li my v Boga? // VCIOM: wciom.ru. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga> (data obrashhenija: 11.12.2025).
10. Novosti: Pogadaem? Rossijane o kartah Taro // VCIOM: wciom.ru. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pogadaem-rossijane-o-kartakh-taro> (data obrashhenija: 11.12.2025).
11. Sadovoj A. N., Ovchinnikov V. A. Jetnokonfessional'naja situacija v sub#ektah Rossijskoj Federacii: k probleme organizacii monitoringa // SibSkript. 2021. T. 23. №. 1 (85). S. 80–94. DOI 10.21603/2078-897S-2021-23-1-80-94.
12. Sakovich D. Ju., Francuzov R. I. Transformacija rossijskogo obshhestva i religioznaja identichnost': sovremenneyj period // Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ja. 2025. T. 11. №. 2. S. 51–56.
13. Sinelina Ju.Ju. Dinamika religioznosti rossijan (1989-2012) // Sociologija religii v obshhestve Pozdnego Moderna (pamjati Ju.Ju. Sinelinoj): materialy Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. NIU «BelGU», 13 sentyabrya 2013 g. Belgorod : ID «Belgorod», 2013. S. 324–343.
14. Filina N. V. Novye religioznye dvizhenija v Rossii i ih vlijanie na social'nye aktory // Russian Economic Bulletin. 2021. T. 4. №. 1. S. 59–66.
15. Shangin N. V., Maslovskij M. V. Novye religioznye dvizhenija sovremennoj Rossii v televizionnyh SMI // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. №. 2. S. 453–461. URL: https://cerkovmedia.ru/wp-content/uploads/2021/11/shangin-n.v.-maslovskij-m.-2013-_izdatelskij-dom-_akademija-estestvoznanija_.pdf (data obrashhenija: 11.12.2025).
16. 30% pravoslavnnyh schitajut, chto Boga net // Takie dela. URL: <https://takiedela.ru/2017/04/takaya-rossiya-cerkov/> (data obrashhenija: 11.12.2025).

Поступила в редакцию: 13.12.2025.

Принята в печать: 30.01.2026.